

Альтернативный вариант

Геннадий ТИЩЕНКО

— Скорее всего, причина — в родовой травме, — сказал врач, осмотрев меня, пятилетнего. — И, к сожалению, с годами, миопатия будет лишь прогрессировать. Атрофия мышц ног, затем рук. Ну, вы понимаете...

А ведь первые годы жизни я не только ходил, но и бегал. Я этого не помню, но мама говорила. И ещё мама старалась убедить меня, что в будущем прогресс науки позволит мне встать на ноги. Так что первый импульс к идее машины времени дала именно она. Сама того не желая.

Потом пропал отец. Мама говорила, что он мог погибнуть во время войны в Ливии, когда наши спасали Каддафи. Но я ей не верил. Впрочем, отца я не осуждаю. Заботиться о больном ребёнке так, как заботит-

ся о нём мать, не каждый мужик сможет.

Мне как инвалиду делали скидку на трафик, и я вообще мог не выходить из Сети. Для этого маме пришлось побегать по разным инстанциям. Она всячески пыталась вселить в меня веру, что со временем всё станет лучше. Она рассказывала мне о Николае Островском и Алане Маршалле, книгу которого «Я умею прыгать через лужи» мама читала мне, когда я ещё сам не умел читать. В детстве я перечитывал эту книгу, когда бывало особенно тяжело. Но позднее меня особо заинтересовала судьба Стивена Хокинга. Может быть, потому, что он был учёным?

Нет худа без добра: пока сверстники играли в футбол и маялись прочей

дурью, я сутками сидел у компьютера. К счастью, я вовремя осознал пагубность виртуальных игр, хотя именно они создавали иллюзию того, что я двигаюсь, бегаю и сражаюсь. Но я хотел «прыгать через лужи» в мире реальном.

Меня грела мысль о том, что многие инвалиды, наперекор своим невздам, добились неизмеримо больше, чем их розовощёкие мускулистые современники. К примеру Циолковский, который из-за глухоты не мог учиться в нормальной школе. Или Александр Беляев, годами прикованный к постели.

* * *

...Переход прошёл штатно. Я находился на глубине пятнадцати метров, под дюнами Финского залива. То есть пять этажей песка и глины давили на хронокапсулу, но я об этом не думал. Конечно, я волновался — не хотелось завалить дело на финальном этапе. Ведь это был многолетний труд тысяч людей. Которые, правда, не подзревали, на кого они работают. Теперь я пребывал в давно забытом состоянии. Это просто непередаваемо, ощущать, что от тебя отключились тысячи серверов с миллиардами терабайт информации. Странно было осознавать, что теперь от плавного течения мыслей тебя не отвлекут никакие сообщения, вызовы или звонки. Наконец-то я остался наедине с собой. Компьютеры во мне — не в счёт. Это капля в море по сравнению с тем, что было.

Мысленно пробежал по базам данных. Блоки хроносколков, невидимости и телепортации были в норме. Знания по эпохе, в которую попал, всплывали мгновенно.

Невидимый дроид пробился на поверхность, и я осмотрел окрестности. Свинцовое небо нависало над Сестрорецком. Ветер гнал к песчаным дюнам волны, бурлящие, как шампанское, наливаемое в бокал.

«Надо же, какие ассоциации, — подумал я. — За дам, господа!»

* * *

Слава богу, я родился не в Древней Спарте. Там меня ещё в детстве сбросили бы с утёса. Но если уж мне суж-

дено было жить, то в глубине души я надеялся, что когда стану всезнающей, обязательно придумаю такое, что смогу не только ходить, но и в космос летать, и вообще много чего добыю из того, о чём мечтал, читая фантастику. Лет в семь я уже представлял себя на месте героя фильма «Аватар», разгуливающего в чужом теле по экзотической Пандоре (у Стругацких, что ли, Камерон заимствовал название планеты?), а в четырнадцать лет — занялся разработкой интерфейса «мозг — компьютер».

В те годы были очень популярны идеи трансгуманизма, дарившие массам надежду на бессмертие. Если, уж, не в своём теле, то в теле робота.

Короче, я высосал из Сети всё об интерфейсе мозг-компьютер, и, видимо поэтому, в шестнадцать меня приняли на работу в крутую секретную лабораторию. В виде исключения.

В двадцать лет я уже мог силой мысли руководить действиями особых роботов, а в двадцать пять стал... киборгом. Не таким, конечно, как Робокон, но вроде того. Меня поместили в металлическое тело, внутри которого болтались мои атрофированные конечности. В нём я вскоре не только ходил, но и бегал.

И даже летал.

И всё-таки это было не то, о чём я мечтал. Я чувствовал себя хилым придатком к могучему механизму.

И я продолжал работать над созданием хронокапсулы. Как ещё можно покончить с моей бедой?! Ведь только наука будущего могла вернуть меня к полноценной жизни, поскольку современная медицина ни на йоту не приблизилась к излечению моей болезни.

* * *

Прошло ещё несколько лет. Я упрямо шёл к поставленной цели и к тридцати пяти годам внешне уже мало отличался от обычного человека. Теперь я обладал квазиорганическим телом, в которое было включено около половины моих натуральных органов. Но мозг мой был на порядок мощнее мозга обычного человека, потому что он напрямую был связан с мощными компьютерами, которыми я напигивал своё тело.

Тюнингом своего мозга и синтетического организма я занимался тайно, и никто в лаборатории не подозревал, каких высот я достиг. Теперь я мог усилием воли войти не только в Сеть, но и, взломав практически любые коды, погрузиться в интересующие меня банки информации.

Как, впрочем, и в банки финансовые. Вся армия хакеров планеты не могла бы выполнить и доли тех взломов и операций, которые я совершал. К тому же я научился разнообразным финансовым аферам, позволявшим доставать средства, необходимые для дальнейших исследований. Промышленный шпионаж, создание подставных фирм, выходы в оффшоры — я не брезговал ничем. Десятки исследовательских фирм и научных лабораторий проводили необходимые мне исследования, не подозревая, на кого работают.

Естественно, я всячески конспирировался. На это дело у меня работали десятки мощнейших компов и серверов. Проводя свои исследования, руководя финансовыми потоками и корпорациями, внешне я мог выглядеть, к примеру, спящим или прогуливающимся по полигону для отработки координации движений конечностей нового тела. Руководители лаборатории не могли нарадоваться моим достижениям, не представляя, чего я достиг в действительности.

Для подстраховки я создал цифровые копии своего мозга и десятков дублий тела. Их я снабдил автономными источниками питания и надёжными системами жизнеобеспечения. Естественно, с ними я поддерживал мысленную связь. Когда я, к примеру, занимался видимостью какой-нибудь рутинной работы для своей захудалой лаборатории, мои дубли подписывали где-нибудь в Гонконге или Вашингтоне необходимые документы. Конечно, дубли уступали мне в интеллекте (я же не враг себе!), но кое на что годились. Некоторые, к примеру, знали множество языков, другие были финансовыми гениями, а пара дублий работала в самых передовых физических лабораториях.

Не раз на пятки мне наступали службы безопасности корпораций, но мне удавалось водить за нос даже ЦРУ и

Моссад. Я не такой идиот, чтобы делать дублей похожими на себя. Мои новые дубли с внешностью европейцев, африканцев и азиатов работали на всех континентах. Они руководили исследовательскими институтами, корпорациями и секретными лабораториями, многократно ускоряя исследования в интересующих меня областях знаний и технологий.

И количество моих знаний переросло в новое качество: я-таки создал хронокапсулу! И даже побывал в будущем!

Увы, оно оказалось ещё мрачнее, чем пишут в антиутопиях. Ни городов-садов, ни плавучих островов, ни космических лифтов. Лишь руины и пустыни. При этом радиация была в норме. Значит, человечество сгнило не из-за термоядерной войны. И не у кого было спросить из-за чего же.

Делать в этом будущем мне было решительно нечего. Значит, надо было найти в прошлом такую развилку во времени, чтобы изменение в ней могло предотвратить подобный финал человечества.

* * *

...За неделю до казни он увлечённо чертил схему летательного аппарата. Когда я материализовался в тюремной камере, он насторожённо прислушался.

— Не пугайтесь, — тихо сказал я. — Я не призрак и не привидение. И вы не сошли с ума. В том, что вы слышите меня, нет мистики. Моё появление здесь стало возможным, благодаря достижениям науки будущего, которые позволяют перемещаться во времени.

— Вы из будущего? — с недоверием спросил Николай Иванович.

— Я понимаю, что в это трудно поверить, но это так, — я сделал несколько шагов в сторону Кибальчича. — Можете потрогать меня. Пришлось стать невидимым, чтобы не привлекать внимания тюремщиков.

Кибальчич осторожно протянул руку, которая упёрлась в моё бедро.

— Значит, меня... то есть нас помнят? — чувствовалось, что мой ответ очень важен для него.

— Иначе зачем я появился бы здесь? — ответил я.

В коридоре слышались шаги наблюдателя.

— Нам пора! — прошептал я.

— Вы хотите забрать меня?! — едва слышно спросил Кибальчич.

— И как можно быстрее, — подтвердил я...

* * *

По моим расчётам именно спасение Кибальчича, додумавшегося до идеи ракеты за два десятка лет до Циолковского, могло сделать Россию передовой державой. А это могло предотвратить её поражение в войне с Японией. Ведь во многом из-за этого поражения произошла революция 1905 года, после которой Россию начало лихорадить. Я надеялся, что в дальнейшем, по мере нарастания российского могущества, желание какой-либо страны воевать с Москвой и вовсе пропадёт. Подобный пример имелся в двадцатом веке моего мира: экономически более мощные Соединённые Штаты Америки так и не посмели развязать войну с Советским Союзом.

Понимали, что могут в этой войне проиграть.

* * *

Мы сидели на берегу Финского залива. На наше счастье погода прояснилась. По берегу прогуливались чайки, смешно переступая перепончатыми лапками. Вдали дефилировали барышни с белыми зонтиками и кавалерами. А я передавал Кибальчичу его новые документы и объяснял, за кого теперь он будет себя выдавать. Переодетый Николай Иванович (неузнаваемый со сбитой бородой) был рассеян и задумчив.

— Неужели нельзя больше ничего? — в который уже раз спрашивал он. — Перовская и Желябов нужнее, чем я!

И в который уже раз я объяснял, что спасение вместо одного человека нескольких может слишком изменить историю, и последствия этого могут стать непредсказуемыми. И без того нас ждали тяжелейшие испытания. Недооценивать царскую охранку не следовало. Тем более что здесь, без всемирной паутины и мобильной связи, я по своим возможностям не

намного превосходил собеседника. Более того: Кибальчич был лучше приспособлен к этому миру. Он в нём родился и вырос.

А я был здесь чужим.

Впрочем, к чему приbedняться: я обладал бездной информации, хранимой в компьютерах моего тела, мог, подобно Фантомасу, принимать любое обличие. К тому же я мог переноситься в любую точку пространства и времени.

Моё воображение уже рисовало картинку того, как я знакомлю Кибальчича с Циолковским, который, пока народовольцы пытались осчастливить Россию убийством царя, мечтал о гигантских цельнометаллических дирижаблях. Я прямо-таки видел эти дирижабли с установками залпового огня реактивными снарядами Кибальчича. После первой же демонстрации мощи такого воздушного флота один их вид наводил бы на врага панику. И наполнены эти воздушные корабли будут не водородом (я помнил о судьбе «Гинденбурга»), а гелием. Тут уж я постараюсь...

* * *

— Забудьте о терроризме и революциях, — повторял я Николаю Ивановичу. — Только прогресс науки, техники и культуры вместе с просвещением широких масс приведут Россию к счастливому будущему. Ну и, конечно же, постепенные политические реформы.

— Не желают крестьяне просвещаться, — жаловался Кибальчич. — Знаете, сколько просветителей они властям сдали?! Думаете, не пробовали?! — Вы забываете о моих, то есть теперь уже наших возможностях, — напомнил я. — Вместе мы горы свернём!

И мы с Кибальчичем перенеслись в Боровск, где в то время, по моим данным, проживал Циолковский.

Но Циолковского в Боровске мы не нашли. И это несмотря на то, что, по моим данным, он в соответствии с приказом попечителя Московского учебного округа № 630 должен был преподавать арифметику и геометрию в Боровском уездном училище с 24 января 1880 года.

Только тут я всё понял: мы оказались в прошлом альтернативного мира!

То есть путешествие в прошлое возможно, но лишь в прошлое альтернативного мира! Только в этом случае снимаются проблемы с причинно-следственными связями, эффектом бабочки, хроноклазмами и тому подобными парадоксами!

Покопавшись в цифровых архивах, я выяснил, что Константин Эдуардович, которому в ту пору не было ещё и двадцати четырёх лет, до Боровска репетиторствовал в Вятке.

Туда мы и телепортировались.

Однако в Вятке Циолковского тоже не оказалось. Хотя в этом городе о нём говорили, что он «понятно объясняет алгебру», поэтому у него отбоя не было от частных учеников.

Порывшись в цифровых блоках, я узнал, что в 1878 году отец Кости Эдуард Игнатьевич перебрался в Рязань. Я предположил, что, возможно, в альтернативном мире, молодой Циолковский после смерти матери проживает вместе с отцом.

* * *

В Рязани Константина Эдуардовича мы нашли. Каково же было моё удивление, когда навстречу нам из добротного дома вышел бодрый, добродатый красавец.

— Я вас слушаю, — вежливо сказал мужчина, отдалённо похожий на основоположника космонавтики, измождённого (во всяком случае, в нашем мире) годами полуголодного существования, пока он занимался самообразованием.

— Вы меня слышите?! — не поверил я своим ушам.

— Да, конечно, — сказал Константин Циолковский с удивлением. — Что в этом странного?

Через полчаса мы выяснили, что никакой глухотой Константин Циолковский этого мира не страдал. Да scarлатиной он в десять лет переболел, но осложнений она, слава богу, не дала. С отличием окончив школу, Костя некоторое время помогал отцу по хозяйству. У него, как и у отца, были «золотые руки», он любил поработать и рубанком, и пилой, поэтому хозяйство Циолковских было образцовым. Позднее, сдав экстерном экзамены, он, как и отец, стал преподавателем естественных наук в

таксаторских классах. Были в те годы такие средние учебные заведения, готовившие специалистов по учёту лесонасаждений.

Всё! Ни о каких цельнометаллических аэростатах, полётах в космос и будущем человечества этот Константин Циолковский не задумывался. Хотя новостями науки интересовался.

Интересовался, но не более того!!!

— Ну, что делать, — со вздохом сказал я, когда мы с Кибальчицем оказались в хронокапсуле. — Придётся обойтись без него. Хоть и печально это, конечно.

* * *

Летом 1883 года мы с Кибальчицем поздравляли с относительно удачной пробой Александра Фёдоровича Можайского и его помощника Голубева, пилотировавшего первый в мире самолёт. Кибальчич, существенно изменивший внешность, работал (под фамилией Волков) в комиссии Русского технического общества под председа-

тельством Рыкачёва. Хотя, надо отметить, что первые три тысячи рублей на самолёт Можайского за семь лет до того выдала комиссия под председательством Дмитрия Ивановича Менделеева. А уже в 1884 году на самолёте контр-адмирала Можайского стоял двигатель внутреннего сгорания моей конструкции. Естественно я помогал Александру Фёдоровичу и финансово и советами, хотя Волков (Кибальчич) настаивал на том, чтобы на его самолёт был поставлен реактивный двигатель. Однако уровень технологий того времени пока не позволял осуществить его мечту.

Именно — пока!

В 1904 году, благодаря моим и Волкова (Кибальчича) стараниям, в Порт-Артуре, кроме нашей морской эскадры, базировался могучий российский воздушный флот. В его составе не было дирижаблей, но были самолёты. Да-да, именно самолёты, а не примитивные этажерки, только-только

появившиеся в США. Кроме того, в обороне Порт-Артура применялись установки залпового огня реактивными снарядами (типа «Катюша»), созданные человеком, спасённым мной от казни.

Немало сил, конечно, уходило на борьбу со шпионажем, но тут нам помогали патриоты России, воспитанные нами из революционно настроенных представителей молодёжи. И ни один из новейших видов вооружения России не попал ни в Японию, ни в США, ни в Европу.

Потому здесь не был потоплен крейсер «Варяг», не произошло Цусимского позора и не был сдан Порт-Артур. А главное — двадцатый век в этом мире не знал ни Первой мировой войны, ни Второй. А в двадцать первом веке не происходило ни информационной войны, ни гибридной.

Да и Аляску после истечения срока её аренды американцами Россия себе вернула. tm